

## **КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ**

УДК 330.101

### **НЕТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД НА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.**

#### **Часть II. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ НОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ДЛЯ РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ**

**Л.А. Карасёва**

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

*Памяти Виктора Тимофеевича Рязанова, выдающегося ученого–экономиста, доктора экономических наук, профессора, Заслуженного работника высшей школы РФ, заведующего кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета*

Представлен обзор II части новой книги Виктора Тимофеевича Рязанова «Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза» [1]. Обзор подготовлен в контексте последних событий, происходящих в мире и нашей стране, свидетельствующих о глубоком кризисе спекулятивно-финансовой модели капитализма, противоречия и ограничения которого усилились коронавирусной инфекцией. Последняя обнажила и системный кризис российской модели хозяйственной системы, находящейся в состоянии трансформации, механизм которой оказался неготовым противостоять должным образом внешним и внутренним вызовам в критической ситуации. Цель обзора – показать актуальность и работоспособность предложенного в книге профессионального анализа заложенного в новой политической экономии методологического и аналитического потенциала для современного использования.

Заканчивая работу над первой частью обзора [2], у меня, как его автора, была задумка посвятить его вторую часть главной теме книги – современной политической экономии. Но глубокий системный кризис – кризис действующей общественной системы, который мы сегодня переживаем, ярко обнаружил, во-первых, противоречивость и многогранность задач, которые необходимо решать, но которые явились следствием целого ряда методологических ошибок, допущенных государством при проведении в том числе и социально-экономической политики. Поэтому на первый план снова выдвигается методология нового политэкономического анализа, без которого невозможны: выбор пути выхода из системного кризиса, нацеленного на дальнейшее развитие экономики и общества.

Во-вторых, в сегодняшних условиях стало совершенно очевидно, что транснациональный финансовый капитал пытается диктовать условия и подавлять национальные интересы государств. Это, в свою очередь, выдвигает проблему «национально-особенного» и его учета при проведении социально-

экономической политики государством, – это, с одной стороны. А с другой, – ставит проблему глобализации как объективного процесса, но будучи подчиненным интересам глобального финансового капитала и его институтам, обнаруживающего такие деформационные формы и нормы реализации, которые не выдержали испытания в условиях пандемии коронавируса.

Поэтому разворачивание проблемы исследования проблемы национально-особенного в экономике, как и современных проблем «глобально-монополистического капитализма и его хозяйственной практики, перспектив и направлений общественно-экономического развития» [1, с. 4], представленное в книге В.Т. Рязанова, оказывается значимым.

Вот почему в данном обзоре смещены акценты с надеждой на то, что те интересные идеи, методологические и теоретические вбросы, размышления и выводы, которые содержатся в книге, но не получившие освещения в обзоре, обязательно будут осмыслены при непосредственном знакомстве с ней читателей. Как и в первой части обзора, «предоставим прежде всего слово автору книги, чтобы не потерять её внутреннюю логику, содержательную целостность, не разрушить авторский методологический подход к исследованию» столь важных и сложных проблем [2, с. 203]. Одновременно еще раз подчеркнем, перед нами не стоит задача критического анализа книги по причине того, что методологические основания и принципы, положенные в основу исследования профессора В.Т. Рязанова поддерживаем. Есть ряд аспектов, которые можно обсудить в открытой дискуссии, в частности, о *механизме синтеза «марксистская экономическая теория + кейнсианство + (посткейнсианство) + институционализм (теория особенного) + мир-системный анализ +»* ... [1, с. 251–263, и др.], но цель обзора другая, о чем было сказано выше.

Начнем обзор с конца **Главы 2**, пунктов **2.5** и **2.6.**, в которых *проблема общего и особенного* разворачивается через характеристику России и её общественного хозяйственного строя [1, с. 112– 123]. Почему? Именно потому, что сегодня развернулась большая дискуссия о путях выхода из кризиса действующей общественно-экономической системы, которая не будет плодотворной без *осмысления и рефлексии* того пути, по которому шли, допущенных методологических, теоретических, институциональных, организационных и др. ошибок; осмысления *главной цели движения вперед*, наполненной и отражающей общенациональную идею, осознанную и признанную обществом.

В начале пункта автор ставит вопрос (напомним, книга вышла в 2018 г.), чрезвычайно актуальный в настоящее время: «Продолжит ли наша страна дрейф в русле воспроизводства и подключения к западному цивилизационному строю с его экономическим проектом, или сможет нащупать свой путь общественно-экономического переустройства с достижением лучших результатов, чем они характеризовались в предшествующие периоды?» [1, с. 112]. Остановившись на исторической дискуссии об особом российском пути развития, цивилизационной самобытности нашей страны, профессор отмечает, что «дискуссии продолжаются, но без значимых признаков ... сближения» позиций, «особенно с учетом несводимости крайних полюсов: отстаивающих российскую самобытность и её отрицающих с «выводом о необходимости

продолжить путь модернизации с ориентацией на западную экономическую модель как самую успешную» [там же]. При этом, для первых самобытность как «возможность сохранить своеобразие» – путь создания более успешной модели, для других – «мифология о самобытности страны» – тормоз «в завершении ее рыночно-капиталистической трансформации, препятствующий экономическому прогрессу» [там же].

По мнению В.Т. Рязанова, «споры вызывает масштаб и характер»... специфики страны, «и степень их влияния на общественно-хозяйственное устройство и модель экономического развития»..., а поэтому в качестве основного вопроса автор выделяет «определение роли цивилизационного фактора», по которому также существуют разные подходы [там же, с. 113]. Не останавливаясь на дискуссии с А.В. Бузгалиным [3] о специфике российского социума (подчеркнем, что дискуссия критериальная, интересная, советуем читателям обратить на нее внимание при работе с книгой), остановимся на выводах, которые сделал профессор по итогам сопоставления двух подходов: цивилизационного и формационного. Суть первого вывода состоит в том, что «в реальном общественном бытии экономика неразрывно связана с социокультурными особенностями, и даже религия сохраняет свое значение. Все они образуют цивилизационную матрицу страны... Без их учета нельзя в полной мере раскрыть специфику хозяйственного строя России» [там же, с. 114]. Второй вывод содержит замечание о том, что «цивилизационный и формационный подходы не исключают друг друга, а являются взаимодополняющими, которые с разных позиций раскрывают природу ее существующего общественно-хозяйственного строя на разных этапах развития» [там же].

Нам представляется важным этот вывод для понимания механизма жизни хозяйственной системы, соотношения устойчивого и изменчивого в ней, того, что экономические отношения могут только реализоваться и реализуются через хозяйственную деятельность людей. В связи с этим обратим внимание на третий вывод из дискуссии о важности социокультурных и даже конфессиональных различий для экономики России: «Дело не в их наличии (...состав таких черт более обширен и содержателен), сколько в их существенном влиянии на формирование разных типов и устойчивых традиций экономического поведения, создающих свой мотивационный контур в хозяйственной деятельности. Ему могут соответствовать или противостоять существующие формы хозяйственной жизни, что во многом и приводит к разным результатам хозяйственной жизни» [там же].

По итогам дискуссии о критериях, при помощи которых можно выявлять специфику общественно-хозяйственного устройства [там же, с. 115 – 116], отметим ответ на поставленный автором вопрос о том, «можно ли сводить все своеобразие России к незавершенности и циклическому характеру капиталистической трансформации» [там же, с. 115]. Автор видит специфику «скорее ... в его циклическом характере и неоднозначных результатах, что как раз предопределялось теми ограничениями, которые были обусловлены как цивилизационным своеобразием, так и природными и социально-экономическими характеристиками...» [там же]. Поэтому *главный содержательный смысл выбора российского пути развития* автор связывает с «... точностью учета специфики российского социума и всего набора факторов

и условий, влияющих на выбор экономической модели с ее ориентацией на защиту национальных интересов» [там же].

Коротко остановимся на некоторых важных, по нашему мнению, замечаниях В.Т. Рязанова о своеобразных чертах нынешнего российского социума. Важных для дискуссии о целесообразности поиска особого пути развития России.

1) «подавляющая часть современного населения России, ставшего в основном урбанизированным в третьем и даже во втором поколении имеют свои корни в крестьянском сословии, охраняя в своих генах какие-то его ментальные черты» [там же, с. 116];

2) «механизм наследования присущ не только индивидам, но и всему этносу» [там же]. «...Это не биологический, а социальный механизм...являющийся важнейшим элементом механизма самосохранения народа» – приводит автор утверждение А.А. Зиновьева [там же, с. 117; 4., с. 118];

3) «сохраняющийся масштаб особенного в российской экономике не соответствует обычным отличиям, которые существуют, скажем, между Англией и Францией и любой другой страной западного ареала», что «обусловлено преобладанием социокультурных расхождений в основной массе населения» [там же, с. 117];

4) «российская элита, нередко декларируя свою самодостаточность и самостоятельность, постоянно ждет, что Европа и США по достоинству оценят и признают ее миссию... проводимая политика в целом и отдельные меры современными российскими политическими деятелями и представителями бизнеса, как правило, осуществляются с постоянной оглядкой на мнение Запада...» [там же, с. 118];

5) в западном понимании, оценке западных стран «мы...по-прежнему представляемся по большинству параметров как чуждое и инородное общественное и хозяйственное образование со своим не похожим самосознанием и менталитетом», присутствие в котором метафизических черт «рождает склонность к радикализму и крайностям в оценках и принятии решений, но которое ... увязывается с долготерпением и социально-нравственными приоритетами в жизнеустройстве, со стремлением обеспечить экономическое развитие сквозь призму достижения социальной справедливости» [там же]. Как следствие, с одной стороны, становится понятным, почему «...множество стандартных экономических инструментов и даже пролиберальные меры, попадая в такое цивилизационное поле, трансформируется в самобытно-особенные качества российского хозяйственного стиля». А, с другой, – «... недоумение и непонимание у западных аналитиков по поводу возникающих искажений и подозрение в возрождении имперских амбиций России» [там же].

Еще раз подчеркнем, выделение этой части работы в обзоре носит принципиальный характер, так как, по нашему мнению, актуализирует понимание важности учета генетического кода общественной системы (в том числе хозяйственной), проблему механизма его устойчивости, факторов, влияющих на направленности его изменений, для понимания и учета мотивационного поведения членов общества (хозяйственного, социального, политического и пр.). Применительно к сегодняшнему этапу – понимание того, что советский период и тридцать лет перехода к рыночной экономике не

могли разнокачественно не повлиять на цивилизационное поле современной России. Одновременно это и актуализация проблемы субъекта концептуирования, проектирования и преобразований общественно-хозяйственного ее устройства.

В.Т. Рязанов не обошел и дискуссию о природе российской цивилизации в ее сопоставлениях с другими цивилизациями. Его позиция состоит в том, что «если более всесторонне и глубоко исследовать исторические истоки и природу русской цивилизации, то при всех возможных совпадениях как с Востоком, так и с Западом она должна быть отнесена к самостоятельному варианту, который сложился на евразийском цивилизационном пространстве... Россия исторически приобрела и накопила достаточный набор признаков, позволяющих ее определять как самостоятельную и самодостаточную цивилизацию» [там же, с. 120]. С учетом традиционных историко-географических координат «Россию... правильнее характеризовать как «цивилизацию Севера». Сложившуюся в северном сегменте евразийского цивилизационного пространства» [там же]. А с позиции географической системы координат Севера, влияющих на особенности экономики как экономики повышенного риска и зоны высокой уязвимости от влияния природно-климатических условий, «...российское государство может с полным основанием оцениваться как преимущественно территория с «нелиберальными условиями хозяйствования» [там же, с. 121]. Наличие богатого Юга и огромной территории с различающимися условиями хозяйства делает необходимым учет многоукладности экономики, зависимости менталитета народов России и «требует особого управленческого подхода», целого ряда особых механизмов и инструментов хозяйствования [там же, с.121–122].

Заканчивая обзор пункта **2.5**, обратим внимание на то, насколько актуальны для сегодняшней ситуации в России и мире выводы автора. «Наступление системного кризиса сложившейся общественно-экономической системы, построенной по западной модели, и назревающие глубокие перемены в мировом хозяйстве тем более делают неперспективным продолжение приспособления к ней нашей экономики. Поэтому принципиально важно, чтобы стратегический выбор развития России был точным с точки зрения как достижения наилучших результатов, так и успешного завершения исторически затянувшегося процесса хозяйственного перестроения и создания устойчивой собственной модели. ... стратегия развития на собственной основе, а она может реализовываться лишь при опоре на народную инициативу и активность, должна быть нацелена на превращение наших традиций и поведенческого потенциала в наши конкурентные преимущества» [там же, с. 123].

**Пункт 2.6** автором назван как «Институционализм и его возможности в исследовании хозяйственного строя России». Это оправдано, во-первых, тем, что «включение в проблемное поле политической экономии диалектической взаимосвязи общего и особенного в экономическом развитии стран позволит его дополнить использованием аналитического аппарата, разработанного теорией институциональной экономики» [там же]. Тем самым подготавливается развертывание идей *неомарксистской парадигмы синтеза*. И, во-вторых, – адаптация и выявление возможностей институционализма в исследовании хозяйственного строя России позволяют обозначить ключевые

моменты его практического потенциала. Методологически данный пункт получит определенное развитие в пункте 6.5. шестой главы, в котором пойдет речь о курсе на опережающие реформы в России. В рамках реализации цели обзора нет возможности подробно останавливаться на данном пункте. Поэтому перечислим лишь вопросы, которые в нем поднимаются, сделав лишь небольшие комментарии. Остановившись на истории становления и развития теории институционализма и важности коррекции «конструкции абстрактного «экономического человека», действующего во все времена и во всех странах», профессор поставил вопрос о том, «в чем значение подключения институционализма к проблемному полю политической экономии» [там же, с. 125]. Отвечая на поставленный вопрос, В.Т. Рязанов выделяет следующие направления: 1) «сами экономические отношения приобретают новое качество, благодаря тому что они не сводятся только к экономическому интересу ... не менее существенной формой их проявления «выступает их способность выражать в конкретных формах социальные ценности и этические нормы»... При этом «социальная форма экономических интересов более глубоко и точно раскрывают типологию общественного хозяйственного устройства» [там же, с. 126]; 2) «экономические отношения в своем хозяйственном бытии также непосредственно проявляются через действующие правила и принципы», которые будучи закрепленными в хозяйственной практике, получают адекватное отражение в юридических нормах, приобретая институциональное качество... Поэтому «разработка экономико-правового подхода – ... визитная карточка теории институциональной экономики», ... как и другая сторона, касающаяся учета традиций и обычаев, оказывающих «существенное воздействие на возможность реализации экономических отношений и определения их специфики через отражение в особенностях менталитета и экономического поведения индивида» [там же]; 3) «помимо уточнения характеристики национальных экономических отношений теория институционализма дополнительно акцентирует внимание на необходимости учета в хозяйственных процессах такого их субъекта, как *этнические (национальные) общности*» [там же]. А это постановка проблемы о действии в хозяйственной жизни не только «экономического человека», но и «национального человека», обладающего своими специфическими качествами и хозяйственными традициями [там же, с. 127]. Ученый особо подчеркивает и обосновывает тезис о том, что даже в условиях растущей глобализации мировой экономики этнос следует рассматривать в качестве непосредственного хозяйствующего субъекта [там же, с. 127–128]. 4) «оправданность институционального подхода в политэкономических исследованиях подтверждается продолжающимся поиском ответа на сложные вопросы, касающиеся генезиса капиталистического способа производства и особенностей их становления в разных регионах стран... Школа институциональной экономики имеет свои версии, уточняющие и дополняющие ответы на сформулированные вопросы... институциональными причинами, «за которыми стоят институциональные конкурентные преимущества» [там же, с. 128]; 5) «институционализм предлагает дополнительные аргументы в обоснование природы и роли государства в экономике» [там же, с. 129]. Заметим, что в этом пункте автор ставит вопрос о ключевом значении для России этой проблемы, «учитывая историческую

традицию и решение современных задач экономического развития» [там же, с. 129]. Это положение применительно к России получит свое обоснование и развитие в пункте **6.5**. Границы статьи не позволяют подробно останавливаться на развертывании аргументов в объяснении универсальности государства как института, его институционально-созидающей функции, а также логике институционального анализа, дающего более реалистичную трактовку природы и устойчивости общинного хозяйства, существенно отличающуюся от узкоэкономического подхода, «реализующего идею рациональности и максимизации прибыли» [там же, с. 131–135]. Но, представляется, что читатель не обойдет стороной эти аспекты исследования, до сих пор остающиеся дискуссионными. По итогам анализа автор делает вывод о взаимодействии политической экономии и институционализма как междисциплинарном. «В своей завершающей фазе оно может вылиться в такое направление экономической науки, как институциональная политическая экономия» [там же, с. 135]. Для меня, как автора обзора было важным последнее замечание автора: «...подключение к проблемному полю политической экономии России научного потенциала теории институциональной экономики ... позволяет исследовать экономику не просто в статике, а в процессе происходящих в ней перемен» [там же, с. 136]. То есть фактически ставится проблема функционирования хозяйственной системы как механизма реализации и воспроизводства экономических отношений.

**В Главе 3: «Политэкономическая исследовательская практика: Российская традиция»** [там же, с. 137–200] развертывается проблема «взаимосвязи и соотношения всеобщего и особенного, как оно было представлено в хозяйственной жизни и отражалось в российской экономической науке» [там же, с. 137]. Почему вдруг возникает экскурс в историю экономической мысли России? Автор справедливо замечает: «...история изучения своеобразия хозяйственного строя страны и экономической мысли может помочь более глубокому пониманию современных проблем и перспектив экономического развития России...» [там же].

**Глава 4: «Политическая экономия после К. Маркса: возможности и перспективы неомарксистской парадигмы синтеза»** [там же, с. 201–276] посвящена в первую очередь возможностям научных школ с точки зрения исторических традиций и накопленного ими научно-практического потенциала, сохраняющего свое значение на современном этапе. В этой связи совсем неслучайно перспективы развития современной экономической науки автором связываются с обращением к классической политической экономии и ее марксистской версии, обладающими методологическим и аналитическим потенциалом, требующими своего развития, по мнению В.Т. Рязанова, на основе синтеза. Именно в этой главе представлена модель неомарксистского синтеза, его составе и достоинствах; корректировка и дополнение в определении предмета новой политической экономии [там же, с. 251–263]. По мнению профессора, «ядро разрабатываемой модели политэкономии неомарксистского синтеза можно представить в первом приближении в виде такой формулы: *марксистская экономическая теория + кейнсианство + (посткейнсианство) + институционализм (теория особенного) + мир-системный анализ* +» ... [там же, с. 258]. Многообразие обусловлено неисчерпанностью всего предполагаемого состава. При этом во многих

случаях речь идет «лишь об использовании части теоретических и аналитических разработок предлагаемых школ, совмещенных с идеями марксизма» [там же, с. 259] – это, во-первых. А, во-вторых, – необходимо «учитывать возникающие несовпадения и даже противоречия между предполагаемыми участниками данного научного синтеза» [там же].

В этих комментариях к модели, на наш взгляд, автор книги остается верен себе в скрупулезном подходе к выдвигаемой гипотезе и ее обоснованию. Об этом свидетельствуют предшествующие пункту 4.5. «О модели неомарксистского синтеза, его составе и достоинствах» параграфы, посвященные проблемам: классической политической экономии: особенностей предмета и метода (4.1); «Капитала» К. Маркса и экономической теории марксизма (4.2); методологического ядра политической экономии: стоимости и прибавочной стоимости» (4.3.). На этой основе в пункте 4.4. «Марксистская политическая экономия и ее развитие на основе синтеза» разворачивается обоснование тезиса о том, что в условиях происходящих трансформаций в системе капиталистического хозяйства «современная политическая экономия не может не реагировать на все те изменения, которые произошли и происходят в различных звеньях мировой экономической мысли, прежде всего связанные с появлением неортодоксальных научных школ и течений, позиционирующих себя в качестве альтернативы современной неоклассике». В.Т. Рязанов подчеркивает, что «современная система капиталистического хозяйства как объект политэкономического исследования требует дополнений и уточнений. Именно здесь возникает та зона, которая становится основой для подключения новых теоретических разработок и аналитических инструментов» [там же, 250]. Поэтому и вывод не случаен: «...главное направление неомарксистского синтеза предполагает соединение и сочетание классической (идеальной) версии капитализма свободной конкуренции и современного монополистического капитализма периода глобализации (ГМК-2.0), который, как реально функционирующий и во взаимосвязи с национальными системами хозяйства, должен стать объектом теоретического анализа» [там же].

Безусловно, предложенные концепция и модель неомарксистского синтеза требуют самостоятельного и глубокого обсуждения (надеюсь, дискуссия обязательно развернется и на страницах нашего журнала в дальнейших публикациях по книге), но сам факт появления версии нелинейного, не аспектного взглядов на исследование функционирования хозяйственных систем, реализации их социально-экономической природы заслуживает самого пристального внимания.

Еще очень важной и обоснованной идеей данной главы является «корректировка и дополнение в определении предмета новой марксистской политической экономии» [там же, с. 259]. По мнению ученого, «им целесообразно считать конкретно-исторический тип социально-экономических отношений между хозяйствующими субъектами в процессе воспроизводства товаров и услуг, которые опосредуются финансовой деятельностью и реализуются в хозяйственной практике через формальные нормы и неформальные правила» [там же].

Следуя внутренней логике исследования, В.Т. Рязанов не просто предлагает модель неомарксистского синтеза, а на ее основе предлагает анализ

современного капитализма. Этому посвящена **Глава 5: «Новая марксистская политическая экономия и современный капитализм: методологический и аналитический потенциал»** [там же, с. 276–348]. Не будем останавливаться на этой главе, надеясь, что читатели знакомы с серьезным трудом В.Т. Рязанова «(Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствия для мирового хозяйства и России» [2], посвященного новым качественным переменам и сдвигам в хозяйственном устройстве реального мира современной экономики, в первой части которого автор раскрывает социально-экономическую природу современного капитализма, опираясь на методологические идеи, *получившие свое развитие* в новой книге в концепции и модели неомарксистского синтеза<sup>1</sup>[4].

Наконец, **Глава 6: «Альтернативные пути общественно-экономического развития: грядущее под вопросом»** [там же, с. 349–424].

Выделим методологический аспект этой главы, представляющий для автора обзора наибольший исследовательский интерес. Дело в том, что предшествующий главе 6 анализ социально-экономической природы *современного капитала* как такового с необходимостью предполагает следующий шаг в его исследовании. Он состоит в ответе на вопросы: с одной стороны, каков объективный механизм его включения в хозяйственную систему; а, с другой, – как специфика действующей хозяйственной системы влияет на этот процесс, где в ее устройстве заложены возможности воздействия через реформирование институциональных и организационно-экономических норм на ограничения и противоречия спекулятивно-финансового капитала.

Ключевая идея этой главы состоит в том, что «без устранения сохраняющихся ограничений и противоречий, сложившихся в нынешней спекулятивно-финансовой модели капитализма, нельзя рассчитывать на выход на траекторию устойчивого и сбалансированного развития» [там же, с. 349]. И далее: «Потребность в переменных актуализирует выдвижение альтернативных путей развития, которые обеспечили бы преобразование общества и экономики» [там же].

Содержание главы последовательно разворачивает ее замысел. Пункт **6.1.** «Новое индустриально-технотронное общество: возможности и пределы капитализма» [там же, с. 349–363] не только раскрывает «характерные новые и отличительные черты» этого общества, но и неминуемость приобретения противоречиями и ограничениями, свойственными капитализму как способу производства, «по-настоящему глобального характера» [там же, с. 364]. Но нельзя ставить задачи «глубокого переформатирования», не опираясь на прошлый хозяйственный опыт социалистического переустройства. Поэтому пункт **6.2.** посвящен урокам социалистических экспериментов в XX веке. Оставим без комментариев ответ В.Т. Рязанова на поставленный им вопрос:

---

<sup>1</sup>Подробный анализ этой части труда В.Т. Рязанова был сделан нами в журнале Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 249-263

«Почему и как угасают революции», чтобы читателям была возможность самим, прочитав книгу, ответить на него [там же, с. 376–389].

Формам социализации экономики и их перспективам посвящен пункт **6.3.** Главы. Обратим внимание на одну, но очень значимую форму социализации, раскрывающуюся в нем. Речь идет о «социализации финансов». По мнению автора, именно сфера финансов на данном этапе «становится приоритетной в выборе направлений глубокого реформирования, что определяет потребность в выдвижении программы «социализации финансов» [1, с. 386]. Выделим фрагментарно ряд идей, которые, на наш взгляд, носят принципиальный и плодотворный характер и представляют интерес для обсуждения. С одной стороны, «сама конструкция социализированной финансовой системы в обычном понимании может рассматриваться в качестве установления надежного контроля и регулирования государством финансового посредничества». Но автор видит в этой конструкции «более глубокий и содержательный смысл... сама идея социализации финансов выступает реальной и знаковой альтернативной «финансовому капитализму», которая «может выдвигаться и реализовываться в разных версиях» – от наиболее радикального варианта, представляющего собой «разворот в сторону посткапиталистической перспективы, пусть и отдаленной, с последующим развертыванием и в других областях хозяйственной жизни» [там же], до более мягкого варианта по решению менее принципиальных и масштабных задач, когда «социализация финансов выступает в качестве важного звена реформирования существующей системы капиталистического хозяйства» [там же, с. 387].

Другими словами, по сути «выдвигается задача образования государственно-общественного сегмента в финансовой системе, вмонтированного в рыночное хозяйство» [там же]. Автор рассматривает преимущества социализации финансов, инструменты взаимодействия с частнопредпринимательским сектором экономики, которое должно быть подчинено сохранению работоспособного конкурентно-рыночного механизма и частной инициативы в сфере производства, «поддержав его изменением характера функционирования финансовой сферы», реализующей народно-хозяйственные приоритеты [там же]. Как видно, финансовый сектор становится «главным объектом государственного вмешательства и регулирования», замещая в этой роли государственный инфраструктурно-производственный сектор, который традиционно связывался с моделью смешанной экономики. «Это означает, что модель смешанной экономики должна быть дополнена финансовым звеном...Его формирование «равнозначно работе двухканальной системы перевода сбережений в инвестиции, один из которых функционирует в обычном режиме, реализуя кредитный потенциал коммерческих банков и других финансовых институтов, другой – действует в ограниченном рыночном режиме, обеспечивая льготное финансирование приоритетных народно-хозяйственных проектов» [там же, с. 388]. Конкретные версии программ социализации финансов определяются социально-значимыми приоритетными целями развития экономики.

Данная глава закономерно подводит автора к поиску в теории и хозяйственной практике опыта постановки и решения «задач усиления ориентации финансовой системы на поддержку развития производства» [там же, с. 389]. Именно этому посвящен пункт **6.4.** «Геззель и Кейнс о

беспроцентной экономике и новый общественный порядок». Отталкиваясь от проблемы взаимодействия промышленного и финансового капитала, от становления и развития процентной экономики, породившей, по мнению критиков, пороки, противоречия и ограничения развития, В.Т. Рязанов анализирует развитие идей беспроцентной экономики, коренного хозяйственного перестроения и перехода к новому финансовому порядку [там же, с. 389 – 396]. В этом отношении автор опирается на опыт прошлого, но столь же последовательно анализирует обстоятельства «возрождения интереса к системе беспроцентной экономики..., которые происходят в современной финансовой системе развитых капиталистических стран», ужесточения регулирования финансовой сферы [там же, с. 396 – 402]. Но делает это все время, имея в виду ключевую цель, ориентирующую в будущее, – «поиск глубоко перестроения финансовой системы с трансформацией процентного дохода» ..., чтобы приостановить «вымывание денег из сферы национального производства» [там же, с. 399].

Отсюда объективно возникают два принципиальных вопроса, на которых ученый и останавливается. Первый: «... насколько в рамках капиталистической системы хозяйства в принципе возможно формирование модели беспроцентной ставки?» [там же, с. 397]. Второй: «Что собой представляют перспективы проекта создания нового финансового проекта на современном этапе?» [там же, с. 399]. Приведем выводы, к которым автор приходит в ходе проведенного анализа. Вывод первый: «... сама природа капитала как самовозрастающей стоимости исключает возможность устранения ссудного процента как формы реализации ссудного капитала. Поэтому можно утверждать, что капитализм как идеальная модель («чистый капитализм») несовместим с идеей беспроцентной экономики» ... Кроме того, приходится учитывать и более конкретные причины: «наличие проблемы противоречивого соотношения избыточности и недостаточности потребления в странах развитого капитализма». ... С одной стороны, «возникновение «чрезмерных сбережений» ... С другой, «недостаточность внутреннего спроса дополняется возникшей тенденцией падения реальных доходов и сохранением застойной бедности в другой части общества». Отсюда очевидно наличие «значимых барьеров в восстановлении и наращивании потребительского спроса, необходимого для создания сильных стимулов экономического роста» [там же, с. 398 – 399]. В итоге уточняя ответ на первый вопрос В.Т. Рязанов подчеркивает, что «... в сложившейся хозяйственной системе роль внутреннего спроса в восстановлении устойчивого и сбалансированного роста оказалась подверженной коррозии, что ослабляет потенциал модели беспроцентной экономики, но и кейнсианскую модель стимулирования совокупного спроса, которая в недавнем прошлом демонстрировала высокую результативность» [там же, с. 398]. Однако, по мнению автора, «... наличие ограничений в принципе не исключает возможности и целесообразности самой постановки вопроса о необходимости поисков вариантов перестроения финансовой системы» [там же]. Ученый видит выход в отходе от природы капитализма «в его максимально предельной (либеральной) форме» ... «по направлению к созданию нового варианта смешанной экономики», выдвигая «различные проекты её реформирования, не исключая вариант с беспроцентной ставкой» ..., более того «в экономической литературе можно

обнаружить немало таких проектов реформирования», которые «могут обозначаться как своеобразные проекты «посткапиталистической рыночной экономики» [там же].

Давая ответ на второй вопрос о перспективах проекта создания нового финансового проекта, В.Т. Рязанов утверждает, что «его выдвижение возможно, но не как автономный проект, а в рамках реализации программы *социализации финансов...*, что требует соответствующих институциональных изменений в финансовой сфере. «Ведь требуется не только разработка и внедрение новых норм и правил работы кредитно-банковского сектора, но и его институциональных преобразований» [там же, с. 399], в том числе «формирование институтов непосредственного контроля и регулирования финансовой сферы, не только как срочной антикризисной меры, но и как политики постоянного действия» [там же, с. 401]. Тем более, что «в мировой хозяйственной системе накоплен значительный опыт балансирования двух секторов хозяйства, во всяком случае, обеспечивающий более или менее эффективное «укрощение» спекулятивной деятельности и неограниченной экспансии финансов» [там же].

Поэтому общий вывод из данного пункта книги: «выдвижение программы социализации финансов имеет существенное практическое значение. По сути дела, речь идет о возвращении на политическую повестку и в реальную практику внятной модели альтернативы неолиберальному капитализму» [там же, с. 403].

Этим пунктом завершается, на наш взгляд методологическая и теоретическая подготовка важного, как для книги, так для современной ситуации в мире и России, итогового пункта **6.5**. «Курс на опережающие реформы России: формула успеха, в котором В.Т. Рязанов обосновывает необходимость и излагает основные, по его мнению, черты и меры формирования госкапиталистической модели в России, «претерпевшей капиталистическую трансформацию неолиберального толка» [там же, с. 422]. Сразу заметим, что это пункт требует пристального внимания и изучения как с точки зрения актуальности и содержательного наполнения, так и как отражение последовательного применения обоснованной методологии и соответствующей теоретической подготовки представленных в нем выводов. Не будем раскрывать его подробно, чтобы сохранить для читателя интригу и желание прочитать книгу, так полезную в условиях активного обсуждения пути выхода из глубокого системного кризиса спекулятивно-финансовой модели капитализма, противоречия и ограничения которого усилились коронавирусной инфекцией.

#### **Список литературы**

1. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия: перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетей, 2019. 436 с.
2. Карасёва Л.А. Нетрадиционный взгляд на методологический и аналитический потенциал классической политической экономии. Часть I. Книга о повышении полезности науки для общества и хозяйственной практики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. №4 (48). С. 203–219.
3. Бугалин А.В. Что есть Россия? // Альтернативы. 2010. № 3. С. 4–22.
4. Карасёва Л.А. Реальный и значимый труд о (не) реальном капитале // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 4. С. 249-263.
5. Зиновьев А.А. На пути к сверхобществу. М., 2000. 637 с.

*Об авторе:*

КАРАСЁВА Людмила Аршавировна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической теории Института экономики и управления, Тверской государственной университет, (170100, Российская Федерация, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: karasevatvgu@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-0717-8971, SPIN-код: 7173-0098.

**AN INNOVATIVE APPROACH TO THE METHODOLOGICAL AND ANALYTICAL POTENTIAL OF CLASSICAL POLITICAL ECONOMY. PART II. METHODOLOGICAL AND ANALYTICAL POTENTIAL OF NEW POLITICAL ECONOMY FOR DEVELOPMENT AND MODERN USE IN CONDITIONS OF SYSTEMIC CRISIS OF PUBLIC LIFE**

**L.A. Karasyova**

FSBOU VO “Tver State University”, Tver

*In commemoration of Ryazanov Victor Timopheevich, an outstanding economist, Doctor and Professor of Economics, an honoured worker of the Russian Federation, the head of economic theory department at Saint Petersburg State University.*

The author researches the II part of Victor Ryazanov 's new book “Modern Political Economy: Prospects of Neo-Marxist Synthesis” [1] Ryazanov is a famous political scientist, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored Employee of the Higher School of the Russian Federation, Head of the Department of Economic Theory of St. Petersburg State University. The review is presented in the context of recent developments in our country and in the world, indicating to a deep crisis in the speculative and financial model of capitalism, the contradictions and limitations which have been intensified by coronavirus infection. The latter also exposed the systematic crisis of the Russian economic system, which is in the state of transformation and which is unable to face properly external and internal challenges in a critical situation. The purpose of the review is to show the relevance and workability of the book 's proposed professional analysis of the methodological and analytical potential of new political economy nowadays.

*About the author:*

KARASJOVA Ljudmila Arshavirovna – doctor of economic Sciences, Professor, head of economic theory Department, Institute of Economics and management, Tver state University, (170100, Russian Federation, Tver, Zhelyabova street, 33), e-mail: [karasevatvgu@yandex.ru](mailto:karasevatvgu@yandex.ru)

**References**

1. Rjazanov V.T. *Sovremennaja politicheskaja jekonomija: perspektivy neomarksistskogo sinteza.* SPb.: Aletejja, 2019. 436 s.
2. Karasjova L.A. *Netradicionnyj vzgljad na metodologicheskij i analiticheskij potencial klassicheskoj politicheskoi jekonomii. Chast' I. Kniga o povyshenii poleznosti nauki dlja obshhestva i hozjajstvennoj praktiki //Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika i upravlenie.* 2019. №4 (48). S. 203–219.
3. Buzgalin A.V. *Chto est' Rossija? // Al'ternativy.* 2010. № 3. S. 4–22.
4. Zinov'ev A.A. *Na puti k sverhobshhestvu.* M., 2000. 637 s.